

Кравченко Александр Александрович

СУБЪЕКТИВНОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО: ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ПОНЯТИЯ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЕ

В статье рассматривается поэтапное формирование в отечественной цивилистической науке главных подходов к субъективному гражданскому праву. Анализируются и обобщаются взгляды ученых дореволюционного, советского и современного периодов. Автор выделяет основные теории сущности субъективного гражданского права (воли, интереса, противопоставления субъективному праву обязанности, положительных действий, нормативистская, синтетическая), а также проблемы определения данного понятия (дублирование категорий, формулировка определения без учета рода и видового отличия явления).

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/6-1/29.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (56): в 2-х ч. Ч. I. С. 101-106. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

9. Подлесских Н. Г. М. В. Нестеров. Продолжаю верить в торжество русских идеалов (письма к А. В. Жиркевичу) // Наше наследие. 1990. № 3. С. 17-24.
10. Сарабьянов Д. В. История русского искусства конца XIX – начала XX века. М.: АСТ-ПРЕСС, 2001. 303 с.
11. Стернин Г. Ю. Художественная жизнь России на рубеже XIX-XX веков. М.: Искусство, 1991. 293 с.
12. Федоров-Давыдов А. А. Русский пейзаж конца XIX – начала XX века. М.: Искусство, 1974. 208 с.
13. Философия русского религиозного искусства XVI-XX вв.: антология / сост., общ. ред. и предисл. Н. К. Гаврюшина. М.: Прогресс, 1993. 400 с.
14. Якимович А. К. Полеты над бездной: искусство, культура, картина мира: 1930-1990. М.: Искусство – XXI век, 2009. 464 с.

ORTHODOX IMAGES IN ARTISTIC CREATIVE WORK OF M. V. NESTEROV

Kotlyarova Natal'ya Vladimirovna

Tula State Pedagogical University named after L. N. Tolstoy
kotlyarova25@gmail.com

The purpose of this article is to determine the role and importance of Orthodox images in the art of the end of the XIX – the beginning of the XX century by the example of the artistic creative work of M. V. Nesterov. Reference to this topic is the most relevant in our times, because as a result of spiritual decline, in which modern society finds itself, the redefining of the experience and cultural traditions of the past takes place. The paper analyzes the key aspects of religious and moral subject matter basing on the spiritual and moral aspirations of the artist himself.

Key words and phrases: Orthodox plot; spiritual values; national ideal; religious symbolism; idea of collegiality; world-view of the epoch; artistic language; Nesterov's landscape; problem of "big picture"; image of holiness.

УДК 347.12

Юридические науки

В статье рассматривается поэтапное формирование в отечественной цивилистической науке главных подходов к субъективному гражданскому праву. Анализируются и обобщаются взгляды ученых дореволюционного, советского и современного периодов. Автор выделяет основные теории сущности субъективного гражданского права (воли, интереса, противопоставления субъективному праву обязанности, положительных действий, нормативистская, синтетическая), а также проблемы определения данного понятия (дублирование категорий, формулировка определения без учета рода и видового отличия явления).

Ключевые слова и фразы: субъективное гражданское право; воля; интерес; правоотношение; правоспособность.

Кравченко Александр Александрович

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
a.a.kravchenko88@gmail.com

СУБЪЕКТИВНОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО: ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ПОНЯТИЯ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЕ[©]

В цивилистике понятию субъективного гражданского права уделено значительное внимание. Основы учения о нем были заложены дореволюционными правоведом.

Дореволюционные подходы к субъективному гражданскому праву. В основной своей работе К. Н. Анненков отмечает, что, несмотря на различие отдельных гражданских прав (вещных, обязательственных, имущественных), можно выделить «общие, основные элементы такого рода, без которых немислимо ни одно правомочие», в связи с чем, область таких исследований находится в общей части гражданского права [4, с. 118-119]. И хотя К. Н. Анненков не дает своего определения субъективному праву, все же обращаясь к работам Ю. Барона, посвященным римскому праву, выделяет его вывод о том, что «право в смысле субъективном или правомочие – *jus agendi* – есть господство, принадлежащее определенному лицу или совокупности лиц, над определенным предметом на основании предписаний права» [Там же, с. 117].

Ю. С. Гамбаров, анализируя господствующие концепции о субъективном праве, отмечает, что волевая теория Б. Виндшейда (согласно которой субъективное право есть воля определенного содержания, утвержденная объективным правом) несостоятельна, поскольку «воля без отношения к благу, на которое она направлена, дает только внешний признак права, не указывая на его внутренние моменты» [11, с. 456]. Теория интереса Р. Иеринга (по которой субъективное право есть юридически защищенный интерес), напротив, признается Ю. С. Гамбаровым единственной концепцией, способной дать определение субъективному праву, однако также не свободной от критики, поскольку в определении субъективного права отсутствует указание на жизненные условия, показывающее взаимосвязь объективного и субъективного права [Там же, с. 457-461]. При этом Ю. С. Гамбаров соглашается с определением Г. Дернбурга: «Право в субъективном смысле есть принадлежащее индивиду на основании объективного права участие в жизненных благах» [Там же, с. 461].

Обращение к теории воли и теории интереса традиционно для ученых дореволюционного периода. Особенности развития данных теорий в отечественной юридической науке А. И. Елистратов оценивает следующим образом: «Горячий спор между сторонниками взаимно противостоящих теорий воли и интереса в современной юридической литературе разрешился господством примирительной точки зрения. В понятии субъективного права теперь известным образом сочетаются оба момента – воли и интереса» [15, с. 5]. Первым такую позицию выразил Г. Еллинек: «Субъективное право есть благо или интерес, защищенные правовым признанием господства человеческой воли. Господство воли образует формальный, благо или интерес – материальный элемент в субъективном праве» [Цит. по: Там же]. Впоследствии ее поддержали многие отечественные цивилисты.

Так, В. И. Синайский, анализируя современные теории субъективного права, приходит к выводу, что наиболее удачным будет соединение воли и интереса в одно понятие: «Субъективное право есть власть лица (в этом существе субъективного права), направленная на удовлетворение признанного интереса (в этом его содержание)» [32, с. 57-58]. Представителем аналогичной позиции является также Г. Ф. Шершеневич, понимающий под субъективным правом обособленную «объективным правом возможность осуществления интереса» [38, с. 58]. При этом основным доводом к неприятию теории воли является тот факт, что «необходимо отвергнуть субъективное право за теми, кто не обладает сознательной волей, как малолетние, сумасшедшие, между тем как все законодательства признают за ними права» [Там же]. Теория интереса также не является состоятельной, поскольку в понятии права (юридически защищенный интерес) смешивается его сущность (право в качестве средства обеспечения интереса) и цель (обеспечение интереса) [Там же, с. 59].

И. А. Покровский не уделяет понятию субъективного права значительного внимания. Вместе с тем, ученый замечает, что общая сущность субъективных прав «заключается в известной юридически обеспеченной возможности действовать по своему желанию» [30, с. 108]. Это позволяет причислить его к сторонникам теории воли. Однако в дальнейшем И. А. Покровский, приступая к анализу злоупотребления правом, замечает, что «возможны случаи, когда лицо, имеющее право, воспользуется им не для удовлетворения *каких-либо своих интересов*, а с исключительной целью причинить другому вред» [Там же, с. 114-115]. Отсюда можно сделать вывод, что теория интереса также нашла отражение в теоретических построениях ученого.

В работах отдельных авторов четко прослеживается приверженность к одной из двух конкурирующих теорий. Сторонником теории интереса является С. А. Муромцев: «Каждая юридическая норма представляет собой средство, назначение которого состоит в защите какого-либо гражданского интереса, в обеспечении удовлетворения какой-либо гражданской потребности. Каждое правовое отношение (право в субъективном смысле) есть *защищенный юридическим образом интерес*» [28, с. 40].

Теории воли придерживается Д. И. Мейер. Ученый одним из первых определил субъективное право через «меру»: «Правом называется *мера свободы* живущего в обществе лица – мера, в пределах которой оно может совершать известные действия и должно воздерживаться от совершения известных действий» [25, с. 253]. Схожую позицию занимает А. А. Рождественский, отмечая, что субъективное право есть «юридическая власть субъекта над вещами и действиями других лиц» [31, с. 23].

Таким образом, понятие «субъективное право» получило широкое освещение в трудах дореволюционных исследователей и закрепилось в категориальном аппарате гражданского права в качестве одного из важнейших терминов. На момент создания основных трудов (конец XIX – начало XX в.) в европейской науке гражданского права (странах романо-германской правовой семьи) существовало два основных подхода к определению субъективного права: теория воли (субъективное право есть возможность, власть) и теория интереса (субъективное право есть интерес, благо). В целом дореволюционная доктрина не становилась на сторону ни одной из концепций. Более популярным оказался подход, объединивший обе конкурирующие теории, сущность которого можно выразить формулой: «Субъективное право есть возможность удовлетворения интереса».

Советская гражданско-правовая доктрина. *В советский период развития цивилистики появилось большое количество трудов, посвященных исследованию субъективных прав.*

М. М. Агарков, показывая специфику субъективного права, разграничивает понятия «право в субъективном смысле» и «правоспособность». Автор пишет, что *праву в субъективном смысле «соответствует чья-либо обязанность* что-либо сделать или же, наоборот, воздержаться от какого-нибудь действия» [1, с. 71]. С другой стороны, когда «мы говорим о праве заключать... допущенные законом сделки», то имеем в виду «...отдельные проявления способности иметь гражданские права... которая является предпосылкой для <...> гражданских правоотношений (субъективных прав и соответствующих им обязанностей)» [Там же].

Аналогичного взгляда на субъективное право придерживается Н. Г. Александров, отмечая, что «право в субъективном смысле... есть охраняемая государством *возможность одного лица требовать известного поведения от другого лица*» [2, с. 18].

Схожей является позиция Н. Д. Егорова, который следующим образом определяет субъективное право: это юридически обеспеченная «возможность управомоченного требовать в установленных пределах определенного поведения от обязанных лиц» [14, с. 9]. Вне правоотношения и право, и обязанность теряют всякий смысл [Там же].

О. С. Иоффе в ранних трудах придерживается того, что «содержание субъективного права... заключается в том, что *предписано или запрещено делать обязанному лицу*» [17, с. 49]. В дальнейших исследованиях ученый изменил свой подход: «Субъективное право есть обеспеченная законом мера дозволенного управомоченному поведения и возможность требовать определенного поведения от обязанного лица в целях удовлетворения признаваемых законом интересов управомоченного» [18, с. 223].

Как видно, перечисленные позиции при всех различиях в определениях субъективного права исходят из того, что субъективное право состоит в требовании определенного поведения обязанного лица.

Новой явилась позиция С. Н. Братуся, впервые задавшегося вопросом наполнения содержания субъективного права возможностью «совершения положительных действий управомоченным лицом» [6, с. 9]. Ученый определяет субъективное право в качестве обеспеченной законом меры возможного поведения лица [Там же, с. 11]. Причем, как указывает автор, данное определение не следует дополнять ни притязанием (поскольку оно уже включено в понятие словами «обеспеченная законом»), ни указанием на обязанных лиц (поскольку это также избыточно – мера возможного поведения обеспечена не только законом, но и поведением обязанных лиц) [Там же, с. 11-13].

Подход С. Н. Братуся изменил ракурс направления исследований в области учения о субъективном праве и дал толчок к появлению двух новых теорий. По этому поводу справедливо указывает С. С. Алексеев: «Если раньше субъективное право в целом сводилось к праву требования, а его содержание *отождествлялось с содержанием юридической обязанности*, то в настоящее время советские ученые-юристы единодушно рассматривают субъективное право как право на действия самого управомоченного. Несомненная заслуга в разработке положительного содержания субъективного права принадлежит С. Н. Братусю» [3, с. 117]. Общим базисом для новых теорий (одна из которых лишь немного *трансформировала предыдущий подход*) стало определение субъективного права через меру поведения самого управомоченного. Вместе с тем, первая из них наделяла субъекта права только такими возможностями, которые обеспечивались поведением обязанных лиц; вторая была шире и включала в субъективное право, помимо указанных возможностей, такое поведение управомоченного, которое не обеспечивалось поведением обязанных лиц. Соответственно, второй подход исходил из того, что субъективные права могут существовать вне правоотношения.

Представителем первого подхода является, например, С. С. Алексеев, отмечающий, что субъективное право – это «принадлежащая управомоченному в целях удовлетворения его интересов *мера дозволенного поведения, обеспеченная юридическими обязанностями других лиц*» [Там же, с. 114].

Аналогичного мнения придерживается А. Г. Певзнер: «Субъективное гражданское право – есть мера (границы) дозволенного поведения участника конкретного гражданского правоотношения, *обеспеченная возложением определенных обязанностей на других участников правоотношения*» [29, с. 33]. При этом ученый стоит на позиции исключения интереса из понятия субъективного права [Там же, с. 60].

Р. О. Халфина делает вывод, что «субъективное право определяет установленную законом меру возможного поведения, обеспеченную соответствующей обязанностью других лиц» [36, с. 235]. Как отмечает автор, «попытка охватить единым понятием статус и право как элемент правоотношения приводит к тому, что слишком широкое понятие теряет свою определенность и становится бедным по содержанию» [Там же, с. 225].

Ю. К. Толстой отмечает, что «субъективное право может быть определено как закрепленная за управомоченным в целях удовлетворения его интересов мера возможного поведения *в данном правоотношении, обеспеченная возложением обязанностей на других лиц*» [34, с. 45-46]. При этом «интерес является необходимым и притом ведущим элементом содержания субъективного права» [Там же, с. 45].

Несколько иную, но схожую позицию занимает Д. М. Чечот: «Субъективное право имеет своим содержанием обеспеченную законом меру дозволенного управомоченному поведения и *возможность требовать определенного поведения от обязанного лица*» [37, с. 25].

Соответственно, указывая в понятии субъективного права на собственные действия управомоченного, цитируемые выше авторы, между тем, дополняют, что смысл это указание имеет лишь в связи с действиями (или бездействием) обязанного (обязанных) лиц.

Представителем второго подхода является, например, Н. В. Витрук. Анализируя возникновение термина «субъективное право», ученый небезосновательно отмечает, что его название обусловлено связью с субъектом права, т.е. субъективное право – право, принадлежащее субъекту [8, с. 8, 10]. Поэтому автор исходил из широкого понимания субъективного права (включающего не только права, находящиеся в стадии правообладания, т.е. являющиеся элементами правоотношения, но и все права, предусмотренные для субъекта объективным правом [Там же, с. 10]).

Н. И. Матузов также делает вывод о том, что характерная черта субъективного права – его принадлежность субъекту, откуда и берется название термина [24, с. 12]. Автор определяет субъективное право как «право, принадлежащее лицу (субъекту), гарантированное законом и всеми социально-экономическими условиями социалистического общества, позволяющее его обладателю совершать в рамках закона определенные действия, пользоваться определенными социальными благами, требовать соответствующего поведения от других (обязанных) лиц и обращаться в случае необходимости за защитой к органам государства» [Там же, с. 45-46].

Аналогично Д. М. Генкин утверждает, что субъективное право собственности состоит в мере возможного поведения носителя субъективного права, который не состоит ни с кем в правоотношениях [12, с. 36].

В. Ф. Яковлев отмечает следующее: «Если право собственности имеет свое, “автономное” содержание, то обязательственное субъективное право формулируется и реализуется лишь через свою оборотную сторону – через обязанность должника» [39, с. 176].

Приверженцем указанного подхода является также Д. А. Керимов, рассматривающий *правомочие* в качестве реализации субъективного права в действиях лица, вступившего в конкретное правоотношение [19, с. 26].

Развитие такого подхода логически привело к тому, что мера возможного поведения самого управомоченного приобрела самостоятельное значение в понятии субъективного права, поэтому в содержании последнего стали выделяться т.н. *правомочия*. Эта позиция получила значительную поддержку в литературе.

Так, по мнению Н. С. Малеина, «субъективное право – это предоставляемая государством через нормы объективного права юридическая возможность субъекта действовать (вести себя определенным образом), требовать соответствующего поведения от других, пользоваться социальным благом, обращаться за защитой в случае необходимости к компетентным органам в целях удовлетворения личных интересов» [22, с. 94].

Н. И. Мирошникова рассматривает субъективное гражданское право как «предоставленную гражданским законом возможность определенного поведения управомоченного лица (право на собственные действия) и требования конкретного поведения от других лиц, а также защиты своего права в случае его нарушения» [26, с. 10].

Анализируя изложенное, сделаем некоторые обобщающие выводы. Во-первых, отметим, что идеологической основой учения о субъективном праве в советское время стало нормативистское правопонимание (юридический позитивизм) [7, с. 80; 10, с. 6], сущностью которого является примат объективного права над субъективным. Наиболее яркое подтверждение этому можно встретить, например, у О. А. Красавчикова («объективное право выступает в качестве той неперменной основы, без которой возникновение и бытие юридических форм невозможно» [20, с. 18]). Следствием такой парадигмы стало отрицание теории воли и интереса, как концепций субъективного толка. При этом трудно отрицать тот факт, что советские ученые обращались к анализу теорий воли и интереса [17, с. 44-48; 24, с. 27-28]: использование положений данных концепций наглядно видно в практически повсеместном употреблении термина «возможность» в понятии субъективного права (что говорит о преемственности теории воли), и в указании слов «в целях удовлетворения интереса» (что говорит о преемственности теории интереса) во многих дефинициях. Заслуживает внимания следующий вывод И. Н. Васева: нормативистское правопонимание обусловило тот факт, что «интерес и воля теперь (в советской и современной доктрине – прим. автора – А. К.) не рассматриваются в качестве именно сущности субъективного права» [7, с. 85].

Во-вторых, советская доктрина выработала два основных подхода к субъективному праву: первый, «не раскрывая, в чем заключается субъективное право его носителя, указывает на то, в чем заключается отношение к окружающим лицам» [33, с. 29]; второй «стремится раскрыть понятие субъективного права со стороны его носителя, показать в чем может и должно заключаться его собственное поведение» [Там же].

На начальном этапе преобладал первый подход, впоследствии названный *узким*, поскольку включал только права, находящиеся в стадии правообладания (имеется в виду правоотношение). В дальнейшем возобладали второй, с развитием теоретических представлений получивший название *широкого*, поскольку включал права независимо от стадии их состояния для гражданина (в противном случае для прав, не находящихся в стадии правообладания, а лишь предусмотренных нормами права, нужно вводить новый термин) [8, с. 9-10].

Противоборство обеих концепций привело к формированию *синтетического* подхода, смысл которого заключается не столько в рассмотрении первого и второго понимания в качестве аспектов субъективного права (как отмечает Р. О. Халфина [36, с. 226-227]), сколько, с одной стороны, в признании необходимости отражения в понятии субъективного права положительных действий самого управомоченного, а с другой стороны, – обеспеченности такой возможности поведением обязанного лица (лиц). При этом если речь идет об абсолютном праве, то презюмируется, что праву на собственные действия (например, пользования вещью) противостоит обязанность всех иных лиц не препятствовать его реализации. В конечном счете, доминирующей (аксиоматической [20, с. 17]) стала позиция, в соответствии с которой субъективное право есть основанная на законе мера возможного поведения управомоченного лица, состоящая из трех правомочий: на собственные действия, требования, притязания.

Современная доктрина о субъективном гражданском праве. Современные подходы к субъективному праву основываются, за редким исключением, на теориях, выработанных в советский период развития гражданского права. При этом преобладающее значение имеет по-прежнему синтетический подход. Основные положения нынешнего учения о субъективном гражданском праве, представляется, состоят в следующем: 1) при всех различиях в формулировках сущностью субъективного гражданского права является мера возможного (дозволенного) поведения (или возможность) управомоченного лица; 2) субъективное право не может существовать вне правоотношения; 3) содержание или структуру субъективного права составляет совокупность правомочий (правомочие на собственные действия, правомочие требования, правомочие на защиту), комбинируемых различным образом в конкретном субъективном гражданском праве; 4) целью субъективного права является интерес [5, с. 230, 248; 9, с. 14, 30; 13, с. 11; 16, с. 115; 23, с. 16; 27, с. 47, 61].

Безусловно, существуют некоторые расхождения во взглядах ученых, придерживающихся данного подхода. Так, А. В. Малько, В. В. Субочев и А. М. Шериев выделяют четвертое правомочие в составе субъективного права (пользование определенным социальным благом) [23, с. 11]. В. В. Груздев отмечает, что невозможно выделить общие элементы субъективного права (сделать обобщения) в силу строгой индивидуальности и исключительной специфичности конкретных субъективных прав; возможно лишь определить правомочия в конкретном субъективном праве [13, с. 13].

При этом имеются сторонники (в частности В. А. Лапач [21, с. 93]) понимания субъективного права с позиций поведения самого управомоченного, независимо от обеспечения его реализации поведением обязанного лица.

Также в современной литературе появилось новые подходы и оригинальные определения субъективного права. По мнению И. Н. Васева, «субъективное право есть отражение социальной действительности в правосознании субъекта права» [7, с. 125]. П. М. Филиппов, А. Ю. Белоножкин отмечают: «Субъективное гражданское право – это отраженный в законе статус личности» [35, с. 75].

Тем не менее, думается, более убедительными остаются теоретические положения и идеи, выработанные советской доктриной гражданского права.

Рассмотрев позиции дореволюционных, советских и современных исследователей, сделаем следующие выводы.

Во-первых, несмотря на то, что современная цивилистика, как и любая другая наука, не имеет единства взглядов относительно понимания субъективного гражданского права, тем не менее, можно констатировать о наличии доминирующего подхода (условно названного нами *синтетическим*). Последний сформировался в результате противоборства различных концепций на каждом из этапов развития гражданского права. Господство теории воли отразилось на включении в понятие слов «возможность», «возможное»; господство теории интереса отразилось на использовании в дефиниции формулировки «в целях удовлетворения интереса»; господство теории противопоставления субъективному праву обязанности отразилось на рассмотрении субъективного права лишь в рамках правоотношения; господство теории положительных действий отразилось на выдвигании положений о существовании совокупности правомочий в субъективном праве; наконец, господство нормативистского правопонимания отразилось на включении в понятие субъективного права слова «мера».

Во-вторых, хотя большинство авторов вкладывают в субъективное гражданское право схожую смысловую нагрузку, есть достаточно существенные различия в определении объема и содержания исследуемого понятия. Так, ученые в целом отмечают, что субъективное право есть «мера поведения», однако, одни акцентируют внимание на его «возможности», другие – на «дозволенности». Наряду с этим, одни исследователи включают в объем понятия т.н. «абсолютные права», другие исключают их.

В-третьих, иногда авторы допускают отождествление понятий «субъективное право», «правовой статус», «правомочия», «интерес». Зачастую это связано с тем, что некоторыми исследователями не учитывается специфика научного определения (через род и видовое отличие). Это представляется неверным как по методологическим соображениям (научное определение дается через род и видовое отличие), так и по логическим (происходит дублирование категорий). Если соблюдается данная «иерархия», то смешения дефиниций не возникает. В свою очередь, неучитывание специфики научного определения приводит к тому, что достаточно много определений субъективного права имеют в качестве определяющего (родового) понятия термин, не предназначенный для этой роли («мера», «границы», «статус», «отражение»).

Список литературы

1. **Агарков М. М.** Обязательство по советскому гражданскому праву. М., 1940. 192 с.
2. **Александров Н. Г.** Юридическая норма и правоотношение. М.: Моск. юрид. ин-т, 1947. 27 с.
3. **Алексеев С. С.** Общая теория права: в 2-х т. М.: Юрид. лит., 1982. Т. II. 360 с.
4. **Анненков К. Н.** Система русского гражданского права: в 6-ти т. Изд-е 2-е. СПб., 1899. Т. 1. Введение и общая часть. 672 с.
5. **Бабаев А. Б., Белов В. А.** Проблемы общего учения о гражданском правоотношении // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова. М.: Юрайт-Издат, 2007. С. 197-263.
6. **Братусь С. Н.** Субъекты гражданского права. М.: Юрид. лит., 1950. 367 с.
7. **Васев И. Н.** Субъективное право как общетеоретическая категория: монография. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. 211 с.
8. **Витрук Н. В.** К вопросу об объективном и субъективном в праве и о понятиях «объективное право» и «субъективное право» // Вопросы советского государства и права. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1966. Т. 183. С. 3-10.
9. **Власова А. В.** Структура субъективного гражданского права. Ярославль: Яросл. гос. ун-т, 1998. 116 с.
10. **Гаврилов В. Н.** Категория субъективного права в отечественном правоведении: автореф. дисс. ... к.ю.н. Казань, 2006. 18 с.
11. **Гамбаров Ю. С.** Гражданское право. Общая часть. Лекции, читанные в Московском университете. Изд-е 1897-1898 гг. М., 1899. 766 с.
12. **Генкин Д. М.** Право собственности в СССР. М.: Юрид. лит., 1961. 222 с.
13. **Груздев В. В.** Гражданско-правовая защита имущественных интересов личности. М.: Юстицинформ, 2012. 192 с.
14. **Егоров Н. Д.** О понятии субъективного права // Правосубъектность по гражданскому и хозяйственному праву: межвузовский сборник. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1983. С. 3-11.
15. **Елистратов А. И.** I. Понятие о публичном субъективном праве. II. «Теория субъективных публичных прав» А. А. Рождественского. М.: Печатная А. Снегиревой, 1913. 21 с.
16. **Ем В. С.** Понятие, содержание и виды гражданских правоотношений // Российское гражданское право: учебник: в 2-х т. Изд-е 2-е, стереотип. М.: Статут, 2011. Т. I. Общая часть / отв. ред. Е. А. Суханов. С. 109-126.
17. **Иоффе О. С.** Правоотношение по советскому гражданскому праву. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1949. 143 с.
18. **Иоффе О. С., Шаргородский М. Д.** Вопросы теории права. М.: Юр. лит., 1961. 382 с.
19. **Керимов Д. А.** Обеспечение законности в СССР. М.: Госюриздат, 1956. 167 с.
20. **Красавчиков О. А.** Гражданское правоотношение – юридическая форма общественного отношения // Гражданские правоотношения и их структурные особенности: сборник ученых трудов Свердловского юридического института. Свердловск: Изд-во Свердловского ун-та, 1975. Вып. 39. С. 5-22.
21. **Лапач В. А.** Субъективные гражданские права и основания их возникновения // Журнал российского права. 2001. № 10. С. 90-106.
22. **Маленн Н. С.** Гражданский закон и права личности в СССР. М.: Юрид. лит., 1981. 216 с.
23. **Малько А. В., Субочев В. В., Шериев А. М.** Права, свободы и законные интересы: проблемы юридического обеспечения. М.: Норма, 2010. 192 с.
24. **Матузов Н. И.** Субъективные права граждан СССР. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1966. 190 с.
25. **Мейер Д. И.** Русское гражданское право: в 2-х ч. М.: Статут, 2003. 829 с.
26. **Мирошникова Н. И.** Механизм осуществления субъективных гражданских прав. Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 1989. 82 с.
27. **Мичурин Л. В.** Субъективное право в системе юридических средств гражданско-правового регулирования (структурно-функциональный анализ): дисс. ... к.ю.н. М., 2004. 175 с.

28. Муромцев С. А. Определение и основное разделение права. СПб.: Изд-во юрид. ф-та СПбГУ, 2004. 224 с.
29. Певзнер А. Г. Понятие и виды субъективных гражданских прав: дисс. ... к.ю.н. М., 1961. 242 с.
30. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2003. 352 с.
31. Рождественский А. А. Теория субъективных публичных прав. М., 1913. 300 с.
32. Синайский В. И. Русское гражданское право. М.: Статут, 2002. 638 с.
33. Тархов В. А. Гражданское правоотношение: монография. Уфа: УВШ МВД РФ, 1993. 124 с.
34. Толстой Ю. К. К теории правоотношения. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1959. 88 с.
35. Филиппов П. М., Белоножкин А. Ю. Новое определение субъективного права и злоупотребление им. Волгоград: ВА МВД России, 2009. 248 с.
36. Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. М.: Юрид. лит., 1974. 351 с.
37. Чечот Д. М. Субъективное право и формы его защиты. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. 72 с.
38. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). М.: СПАРК, 1995. 556 с.
39. Яковлев В. Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. Свердловск, 1972. 212 с.

SUBJECTIVE CIVIL LAW: HISTORY OF NOTION DEVELOPMENT IN CIVIL DOCTRINE

Kravchenko Aleksandr Aleksandrovich

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
a.a.kravchenko88@gmail.com*

The article considers the gradual formation of the main approaches to subjective civil law in national civil science. The views of the scientists of pre-revolutionary, Soviet and modern periods are analyzed and summarized. The author identifies the basic theories of the essence of subjective civil law (of will, interest, contrasting duty to subjective law, positive actions, normativist, synthetic), and also the problems of this notion definition (the doubling of categories, the formation of the definition without taking into account the kind and specific difference of the phenomenon).

Key words and phrases: subjective civil law; will; interest; legal relations; legal capacity.

УДК 130.2:172

Философские науки

В статье проводится анализ институтов социального признания медиков в классический период античной истории. На материале античных греческих свидетельств определяются характер медицинского участия и его роль в интеллектуальных и повседневных практиках классической Греции. Исследуя социальные реакции на врачебную помощь, автор показывает, в каких формах греческое сообщество закрепляло авторитетность профессиональной медицины, и раскрывает значимость уяснения специфики коллективной рецепции фигуры врача для понимания культуры.

Ключевые слова и фразы: античная греческая медицина; статус медика; коллективная рецепция; социальное признание; неоднородная группа врачей.

Куксо Ксения Александровна, к. филос. н.

*Санкт-Петербургский государственный университет технологии и дизайна
korsbai@mail.ru*

ВРАЧ В ПОЛИСЕ: КОЛЛЕКТИВНАЯ РЕЦЕПЦИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПРАКТИКИ В КЛАССИЧЕСКОЙ ГРЕЦИИ[©]

Статья посвящена чувственности греческого социума классического периода в отношении медиков. Данный интерес требует уточнения: реконструкция сложных по своему составу социальных реакций на не приводимые к содержательному единству врачебные практики полностью лишена пафоса «антикварной истории». Позитивистская в технике исполнения дескрипция коллективного восприятия специализированной медицинской помощи и ее объективаций в институтах социального признания обнаруживает степень включенности медицины в коллективную этику и тем самым приводит к глобальному историко-культурному выводу. Исследование социальных реакций на группу врачей – это всегда отчет об этической легитимности в культуре физических способов преодоления страдания.

Социальная история демонстрирует, что последние могут выступать культурной нормой, задавая исходный вектор человеческого самосознания. Но возможна и иная ситуация: медицинская помощь может отправляться в качестве предельно косвенной культурной практики, а терапия – не оказывать влияния на осознание страдания и смерти. Так, очевидно, что мы имеем дело с принципиально разными физиогномиками культур, одна из которых включает медицину в жизненную повседневность и наделяет врачей правом брать лучшие части жертвенных животных (Греция классического периода) [2, с. 184], а другая – поощряет медицинское участие лишь по мере необходимости и презирует носителей врачебных навыков, делая исключение только для государственных врачей (Рим до правления Юлия Цезаря) [10, с. 2-8]. Отсюда – аура врача, определенная форма